

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ВЕЛИКОМ ЗЕМЛЯКЕ

Мы уже как-то рассказывали о Домашнем музее дочери художника из Кретинги — ныне проживающей в Москве — Брониславы Витковской-Вагнер. В нем уникальная коллекция — сотни писем, телеграмм, снимков, пластинок с записью голоса Василия Ивановича Качалова, программы всех спектаклей и концертов, в которых ему довелось участвовать с 1900 года. После того, как Бронислава Александровна впервые увидела Качалова в его первый «Московский сезон», когда он создал неповторимый поэтический образ Берендея в «Снегурочке», она смотрела Качалова тридцать один раз в роли Чацкого, десять — в роли Тузенбаха в «Грех сестрах», двадцать пять раз — в роли Барона в спектакле «На дне» и помногу раз во всех его других ролях.

На протяжении 30 лет Василий Иванович получал от неизвестного зрителя, большой любительницы театрального искусства письма после каждого его дебюта в новой роли. И всегда в конце письма только две буквы «Б. В.». Но вот однажды — в 1933 году одно из писем пришлось отправить заказным с указанием обратного адреса, но без имени отправителя. Каково же было удивление Б. Витковской-Вагнер, когда через несколько дней она неожиданно получила письмо от В. И. Качалова.

Так завязалась переписка великого актера с одним из своих постоянных зрителей, переписка, длившаяся до последних дней жизни артиста.

Дочери кретингского художника мы и представляем сегодня слово о великом нашем земляке.

УРОЖЕНЕЦ Вильнюса Василий Иванович Качалов — это интереснейшая глава в истории русской культуры, русского театра. Он был самым любимым актером трех поколений зрителей, которые имели счастье быть его современниками и свидетелями его вдохновенного творчества на сцене и на эстраде.

Многочисленные бессмертные высокохудожественные образы, созданные им на сцене Московского художественного театра в течение 48 лет, поражали своей глубиной и разнообразием. Искусство его отличалось широтой охвата жизни, глубиной идейностью и изумительной способностью внутреннего перевоплощения.

Мне запомнилась навсегда последняя встреча в 1947 году. В весенний вечер я возвращалась с работы. Недалеко от дома неожиданно увидела Василия Ивановича. Он стоял на перекрестке довольно широкой улицы и узкого переулка и слушал стоявшую перед ним старушку в платке. Я хотела обойти их незамеченной, но Василий Иванович окликнул меня. Здороваясь, он сказал, что накануне консилиума, предстоящего в Кремлевской больнице, он идет к врачу гомеопату, желая послушать, что тот скажет относительно его болезни.

Василий Иванович одной рукой взял у меня портфель, а другой, поддерживая меня под локоть, повел по слабо освещенному переулку по направлению к дому, где в конце переулка жил врач-гомеопат.

Он сразу с негодованием заговорил о своей старости со всеми стариковскими болезнями, которые управляют ему жизнь и мешают рабо-

тать. С большим волнением сознался в том, что он безумно любит жизнь и что смерти он не понимает и не принимает ее, и, наконец, чистосердечно признался, что иногда прямо до слез ему не хочется умирать. Ему дорог был самый процесс жизни. — Я думал, — говорил он взволнованно, — я надеялся, что со старостью эта моя жадность и привязанность к жизни будет затихать. Мне казалось, что, чем дольше будет длиться моя старость, тем легче я перенесу расставание с жизнью, но как я ошибался. — Да, его большое сердце любило жизнь и все в жизни: и человека, и Родину, и природу, и все виды искусства, и поэзию, и небо, и детей.

Василий Иванович нежно любил Вильнюс не только потому, что он там родился, рос, жил и учился в гимназии, которая помещалась в здании старейшего университета России, любил потому, что там на Большой улице маленький гимназист застал во дворе спектакли с участием своих сверстников, живших по соседству, и с 10—12 лет начал расти в нем актер. Он полюбил Вильнюс за то, что в этом городе впервые в жизни посетил театр, впервые подумал о своем призвании актера.

Выдающийся столичный актер Орленев, гастролировавший в Вильнюсском драматическом театре, прослушав чтение Василия Ивановича, бывшего в то время гимназистом 7-го класса, взволнованный и растроганный некоторыми интонациями юного гимназиста, бросился со слезами на глазах к нему на шею и сказал: «Вы просите у меня совета, поступать ли Вам в драматическую шко-

лу! Да ведь Вы сами — школа! Учиться Вы никуда не ходите! Вас только испортят. Поступайте прямо на сцену, страдайте и работайте!».

Василию Ивановичу был дорог Вильнюс еще вот почему: два вильнюсских сезона (1894—1896) принесли огромную популярность и открыли двери в Александрийский театр, начинающей актрисе Вере Федоровне Комиссаржевской. Вильнюская публика, в особенности молодежь и студенчество, с первого выступления ее в Вильнюсском драматическом театре полюбила ее за способность к изумительному сценическому перевоплощению.

На протяжении всей ее творческой жизни Вера Федоровна была кумиром студенческой молодежи. Василий Иванович высоко ценил искусство Комиссаржевской, ее талант.

Вильнюсский гимназист стал студентом Петербургского университета. На каникулы он приезжал в Вильнюс, где выступал с местными любителями в музыкально-драматическом кружке в различных спектаклях, в частности в роли Мити в пьесе Островского «Бедность не порок». Вся вильнюсская молодежь смотрела на своего «Васю» с непередаваемым восхищением и гордостью им. Но вряд ли кто из земляков вильнюсского гимназиста мог думать, что их «Вася» станет гордостью русского театра, что только на сцене МХАТа он сыплет более 50 ролей, каждая из которых благодаря разносторонности его таланта, мастерству, глубине мысли войдет в золотой фонд театрального искусства. И конечно же вильнюские сверстники, с восхищением смотревшие на своего кумира, не предпологаали, что А. П. Чехов после спектакля «Три сестры», в котором Качалов играл роль Тузенбаха, скажет ему: «А какой Вы будете большой актер! Очень, очень большой...». А знаменитый русский актер А. И. Ленский воскликнет: «Какое изумительное дарование!». А Горький, увидев Качалова в спектакле «На дне» в роли Барона, заявит: «Ничего подобного я не писал. Это гораздо больше, чем я написал...».

Неизгладимый след в искусстве театра оставил бывший вильнюсский мальчик Саша Шверубович с Большой улицы (ныне улица Горького), ставший великим мастером сцены, великим актером и гражданином.

Неповторимый прекрасный голос его умолок навеки, но благодарная память его современников сохранит его во всем многообразии оттенков и силы звучания. Часто и сейчас мы слышим его голос в эфире. Наш Качалов с нами. Он вечно будет среди нас!

Б. ВИТКОВСКАЯ-ВАГНЕР.